
ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕКА

В.И. Полищук

ТРИ ОТВЕТА НА ВОПРОС О ЧЕЛОВЕКА

***Аннотация:** предлагается авторский взгляд на различные решения проблемы человека в истории культуры. Данная проблема формулируется как вопрос о том, что делает человека человеком. Выделяются три основных ответа на поставленный вопрос: человек становится самим собой, лишь возвышаясь над мирскими привязанностями, либо стремясь познать окружающий мир, либо познавая самого себя. Очевидно, что современная (научно-техническая) цивилизация — это второй ответ на вопрос о человеке. Он губителен и для природы, и для самого человека. Многие мыслители прошлого указывали на эффективность третьего ответа, в котором видели возможность спасения культуры.*

***Ключевые слова:** психология, человек, культура, разум, становление, дух, истина, трансцендентное, имманентное, выбор.*

Одной из особенностей вида человек является его самосозидание, представленное в культуре, ставшей настолько естественной для современного человека, что и мыслит, и чувствует за него. Культура предоставляет ему возможность совершать действия или принимать решения, не обременяя себя вопросами об их смысле и конечной цели. Современный человек — это уже не привычный для нас *homo sapiens*, а *homo cultures*. Культура как вид бытия человека стала и показателем его разума, и самим разумом. Но по-прежнему стоит перед ним вопрос о необходимости усилий для сохранения себя в качестве человека, и они всегда у него находятся. Человек — избыточное существо по определению, что обусловлено его способностями, и готовностью создавать свой собственный вид. Но значение имеет ещё и то, на что направлены эти усилия.

Вопрос об их направленности во многом зависел от того, как определялся человек в философии культуры, в чём виделась его сущность. Например, в древней индийской, греческой, китайской философии, в русском космизме он понимался как «микрокосм», как образ и символ Вселенной. Земная жизнь человека с её тяготами и заботами воспринималась как обособление и утрата целостности, его космического предназначения. Обособленная человеческая жизнь приводит к потере первоначального — вселенского — образа, поскольку сама Вселенная или «макрокосм» понималась как живой организм, как прачеловек. А человек, утративший свой исходный образ, становится одним из элементов Вселенной и попадает в их бесконечный круговорот. Следовательно, чтобы сохранить себя в качестве человека, необходимо помнить

о своём космическом предназначении, об исходной связи с Вселенной, хранить её и восстанавливать, если она по каким-то причинам обрывалась.

Существовали и менее общие представления о человеке и о месте его в бытии. Их можно назвать направлениями самосознания человека в истории и философии культуры. Известный немецкий философ и антрополог Макс Шелер в работе «Человек и история» выделил пять таких направлений, господствовавших в культурологии Запада. К ним он относил: теистическое представление о человеке в иудаизме и христианстве, античную концепцию «человека разумного», идущую от Аристотеля и дошедшую до Канта и Гегеля, и натуралистическое, позитивистское, прагматистское направление (выразившееся, в том числе, в психологии инстинктов и в теории влечений), к которому Шелер причислял и себя, обозначая его формулой «*homo faber*» («человек деятельный»). Представители данного направления, вслед за О. Контом, рассматривают человеческий разум как технический инструмент. Кроме того, М. Шелер выделял нетрадиционное представление о человеке как существе, утратившем ощущение подлинной жизни, как о слабом и немощном создании, тупиковом пути развития живых организмов (Т. Лессинг, А. Кёстлер), а также возвышенную концепцию человека, основанную на ницшеанской идее сверхчеловека (Д. Керлер, Н. Гартман)¹.

Необходимо отметить, что в конце XIX — начале XX вв. учёные стремились найти сходство человека

¹ См.: Шелер М. Человек и история // Человек: образ и сущность. Перцепция страха. Ежегодник. 2. М., 1991. С. 133-159.

с приматами, пчёлами, дельфинами и другими животными. Положение изменилось во второй половине XX в., когда они сосредоточились на поиске уникально человеческого. Им, как полагают некоторые исследователи, оказалось космическое чувство².

Таким образом, была возрождена идея космического предназначения человека. Она относится к числу самых древних. В более рациональном смысле она представляет собой утверждение о том, что его призвание состоит в чём-то высоком и необычном, а не в каждодневной суетности. Действительно, во все времена находились личности, ставившие перед собой возвышенные цели. Своё земное существование они рассматривали лишь как средство для достижения таких целей. Подобные личности, а их с полным основанием можно назвать культурными героями, были источниками убеждений, что в обычной жизни человек не реализует богатство своих возможностей и, следовательно, не может состояться как человек. Об этом в истории культуры существовали различные учения, включавшие в себя представления и о человеке, и о достойных его целях. Но все они отвечали на один и тот же вопрос: **что делает человека человеком?** Впрочем, этот вопрос звучит ещё и как призыв, обращённый к человеку, тихо и настойчиво требующий от него соответствовать тому, откуда он исходит.

Можно выделить три главных ответа на этот вопрос. Выделение является условным, конечно, поскольку в истории и философии культуры они могли объединяться в тех или иных учениях, либо один и тот же ответ мог по-разному объясняться в различных концепциях. Безусловной оставалась и признавалась лишь связь человека с окружающим миром, хотя характер связи и её оценка тоже не раз служили предметом дискуссий. Но и сам по себе вопрос, и ответы на него предполагают **познание** как необходимый и естественный для человека способ его самоосуществления.

Первый ответ был связан с понятием трансцендентного, его можно отнести к религиозным, метафизическим или идеалистическим воззрениям. Это один из самых ранних способов решения проблемы человека, с ним связано рождение мировых религий, то есть осознание того, что существуют надмировые силы, от которых зависит и мир, и сам человек. Ему предлагалось не ограничиваться видимым и чувственным миром, а быть выше, тянуться ввысь, заглядывая за горизонт обыденной жизни. В человеке есть духовное начало или душа, но в повседневной суете и волнениях он

забывает о ней, увлекаясь телесными, чувственными желаниями и вожделениями. В результате он оказывается в плену преходящих и ложных мнений, принимая их за истину. Это приводит к разрушению и утрате образа и подобия Бога, в соответствии с которым человек был сотворён, как утверждает в христианском, например, вероучении. Оказавшись в результате своего грехопадения внутренне раздвоенным, человек всё же сохранил возможность приобщения к высшему в себе, к Богу. Для этого необходимо следовать наставлениям Иисуса Христа — олицетворённому единству Бога и человека.

Согласно такому воззрению, всё истинное, вечное и человеческое в человеке — от Бога. Но в нём есть и ложное, преходящее, низменное — от мира. Оно нередко господствует над ним, поэтому необходимы усилия для преодоления власти мирского над человеческим. Нужна борьба с соблазнами «мира сего», отказ от слишком деятельного участия в нём и воссоздание в себе исходного образа и подобия. При этом человек уподобляется Богу не только в его образе, но и в его творчестве, поскольку восстанавливает в себе и процесс созидания себя самого.

Восстановление, понимаемое и как обновление человека, является целью не только в развитых религиях. Оно предполагалось и в древних формах верований, когда ещё не было понятия единого Бога. Вообще религия (re-ligio) — это восстановление «лиги», то есть связи, союза, сообщества. В древности имелась в виду связь человека с видимым миром. Её было достаточно, наверное, пока этот мир удовлетворял его природные потребности. По мере формирования духовной культуры разрозненность верований преодолевалась, и древние пророки вещали о необходимости веры в единого — без определённого образа — Бога. Лишь такая вера, полагали они, сможет восстановить в человеке его первоначальный образ.

Данный способ решения проблемы человека развивался не только в религиозных, но и в философских учениях, которые принято называть идеалистическими или метафизическими. В отличие от религиозных, где основным значением наделялась вера, философские учения представляли собой целые системы знаний и доказательств. Их усвоение предполагало интеллектуальные усилия человека. Вместе с тем, в философии данного направления, особенно в древней, выдвигалось требование и к образу жизни человека. Он должен был соответствовать понятию или идее человека, благоприятствовать и усилиям его разума, и чистоте помыслов, и возвышенности мыслей. В таком требовании нет ничего необычного. Известно, что даже простое сосредоточение или внимание нуж-

² См.: Чаликова В.А. Дети, «примитивы» и культура участия // Социокультурные утопии XX в.: Реф. сб. / ИНИОН АН СССР. М., 1983. Вып. 2. С. 130-166.

дается в определённых усилиях, а окружение, в том числе и образ жизни, им может способствовать или препятствовать. В философии предполагается, что в достижении высшей цели необходимо усвоение определённых понятий — универсалий. У Гераклита был «логос», у пифагорейцев — «мудрость» или «число», у элеатов — «сущее», у Платона и платоников — «благо» или «мир идей», у неоплатоников — «сверхсущее единое — благо», у Гегеля — «абсолютный дух».

Особое место в истории обращения человека к трансцендентному объекту занимает русская религиозная философия культуры конца XIX — начала XX вв. Её представители называли свои исследования «духовным делом» (И.А. Ильин). В.С. Соловьёв, как один из основоположников религиозной философии, разрабатывал темы космического и социального начал в человеке. Их гармонии должен служить принцип «всеединства» и религиозно-поэтическое учение о Софии (Мудрости). С ней у философа связано учение о Богочеловечестве. Близки к этим идеям концепции Н.Ф. Фёдорова и К.Э. Циолковского, послужившие истоком философии Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, С.Н. и Е.Н. Трубецких.

Второй ответ противоположен первому, поскольку обращает сознание человека к миру, в котором он живёт. Его можно назвать научным, материалистическим, а в применении к обществу — социотехническим. Здесь речь идёт об имманентном объекте, с присущими ему чисто природными, физическими свойствами. К числу таких объектов относится и человек как часть природы и зависимый от неё продукт. Необходимо познавать природу, окружающий мир, чтобы ослабить или вовсе устранить свою зависимость от него, чтобы состояться, тем самым, в качестве человека.

Вообще в рамках данного ответа человек всегда понимался как результат влияния на него природных или социальных условий и обстоятельств. Их, следовательно, необходимо изменить, что и сделает его собственно человеком. Решение проблемы здесь предполагает два этапа: познание объективных закономерностей природы и общества, единых по своей сути, а затем, на основе познания, преобразование и природы, и общества, устранение стихийности в них с последующим контролем и управлением. Деятельность по изменению природы и общества, то есть практика, будет в итоге осуществляться на основе всеобщих законов бытия, что в перспективе должно обеспечить единство и гармонию человека и преобразованной природы.

Такое решение проблемы напоминает древнее представление о космической сущности человека. Но в древности предполагалось, что эта сущность может быть обнаружена и понята на пути внутреннего пре-

ображения человека. Более поздние учения основаны на убеждении, что его сущность проявит себя в полной мере лишь на пути внешних преобразований. Посредством просвещения, то есть усвоения истинных, а не иллюзорных знаний о мире, отдельный человек, в том числе и человечество в целом, изменяя природу и общество, преодолет свое отчуждённое и разобщённое состояние. Тем самым разрешится извечное противоречие между индивидуальной ограниченностью отдельного человека и его родовой сущностью, установятся равенство и справедливость в отношениях между людьми.

К такому ответу на вопрос о человеке относятся все проекты социальных преобразований, начиная с «Государства» Платона. К нему можно отнести и утопические учения Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ф. Бэкона, Д. Вераса, а также мыслителей Ближнего и Среднего Востока: аль-Фараби, Низами, Ибн Туфайля, Ибн Рушда и др. В границах данного ответа находятся рационалистические проекты Мелье, Мабли и Морелли, теории социалистов-утопистов и революционных демократов. Марксистская концепция общества и путей его преобразования тоже находится в русле этих учений. Основной тезис марксизма — господство над людьми их собственных отношений и необходимость ликвидации его любыми средствами для достижения свободы каждого индивида и, следовательно, всеобщего освобождения.

Третий ответ можно назвать непосредственно философским. Он не отвергает оба предыдущих, отрицающих друг друга ответа. Скорее он их объединяет в самом человеке. Согласно древнему преданию, на треножнике Дельфийского оракула была надпись: «Познай себя, и ты познаешь богов и вселенную». Ни одному из основных философских направлений этот вариант решения проблемы человека прямо не соответствует. Его трудно отнести к материализму, поскольку решающей ролью в нём наделяется дух. А дух, в отличие от природных явлений, существующих по какой-то внешней причине, сам определяет своё существование. Но это не означает, что дух не нуждается в чём-то внешнем. Для самосозидания и самореализации ему необходим «материал» — нечто вещественное и видимое. Поэтому лишь условно этот ответ можно отнести к идеализму.

Ближайшим и непосредственно данным «материалом» для проявления духа служит телесность человека, в более широком смысле — образ его жизни, культура. В древности, как и в более поздние времена, сторонники подобного представления о роли духа в становлении человека попросту олицетворяли собой свои взгляды и учения. Показывая, тем самым, конечную цель в стремлении человека быть самим собой.

Без образов в познании и понимании не обойтись. Ещё Гераклит называл «образ мыслей» человека его «божеством». Не случайно в искусстве существует практика изображения таких абстрактных понятий, как свобода или мысль. Но существуют и понятия простой нравственности: честность, порядочность, человечность. Их тоже необходимо видеть, чтобы понять. Они будут пустыми словами, если в жизни не видеть людей, поступающих честно и порядочно. Можно их не замечать, или полагать, что их и вовсе нет. Обычно так и делают, для оправдания своих неблагоприятных поступков. Но ведь можно представить себе человека, который не находит в этом оправдания, а ведёт себя по-человечески даже вопреки окружающей его бесчеловечности. В особенности, если он всерьёз озабочен отсутствием в людях нравственных качеств. Сомнительно, чтобы такой человек искал подобные качества только в книгах по этике, или у литературных персонажей. Он будет искать их в себе, и представлять эти качества в своём собственном образе. Иными словами, он сам может стать олицетворением честности, порядочности, человечности, всем своим поведением и образом жизни утверждать их наличие в обществе.

«Ищи в себе то, чего не находишь в других» — один из заветов древней мудрости. А нашедший в себе — увидит найденное и в других. Нельзя, конечно, найти то, о чём не имеешь представления. Но представление о простых нормах нравственности есть, пожалуй, у каждого. Всё дело в том, как относится к ним человек. Один видит в них лишь пустые абстракции, не давая себе труда жить в соответствии с ними. У него жизнь складывается сама собой, почти без его участия. А в сравнении с каждодневными заботами и хлопотами нравственные нормы могут действительно казаться наивными и далёкими от жизни. Как живёт такой человек, так он и мыслит.

Другой же, наоборот, имея представления о должном, пытается строить в соответствии с ними свою жизнь. Как он мыслит, так и живёт. Это очень нелегко, поскольку не соответствует обычному отношению к мысли, к уму вообще. Принято полагать, что он, в сравнении с жизнью, менее значим³. Но культура в своем становлении обязана тем, кто думает иначе.

Итак, можно уповать на Господа и ожидать, что Он вразумит людей (*первый ответ*), либо заняться наукой,

создавать проекты нового общества и человека, писать умные книги, полагая, что они сделают людей умнее и добрее (*второй ответ*). Многих людей, озабоченных коллизиями современности и собственной жизни, эти ответы удовлетворяют. Они обращаются к Богу или отдают себя науке, пытаясь найти новые ценности и обрести себя на пути познания. А. Эйнштейн, например, писал о мотивах научного труда: «Душевное состояние, способствующее такому труду, подобно религиозности или влюбленности: ежедневное старание проистекает не из какого-то намерения или программы, а из непосредственной потребности»⁴. Как видно, оба ответа схожи друг с другом, и оба они содержат в себе соблазны слишком простых решений проблемы человека. Оба основаны на его тайном желании снять с себя ответственность за само существование этой проблемы и переложить тяжесть её решения на Бога, на науку или технику.

Современная цивилизация содержит в себе много соблазнов, в том числе и соблазн вообще не думать о её проблемах и перспективах. Однако давно сказано: «Невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят» (Лк. 17:1). Бог, при всей его любви к человеку, не может потворствовать соблазну его безответственности. Соблазны есть в искусстве, в науке и в технике, но они — творения самого человека, поэтому не могут нести ответственность за его проблемы. А растущее могущество науки и техники имеет много негативных последствий, создает новые проблемы, оборачивается слабостью человеческого духа. Она проявляется, прежде всего, в том, что сама деятельность человека уже во многом неподвластна ему.

Об этом немало сегодня пишут философы, социологи, культурологи. И, разумеется, ищут решений растущих проблем. Вот один из примеров: «Выход один — начать с себя, единственная надежда — на думающую личность. Рано или поздно кризис техногенной цивилизации станет всеобщим, игнорировать его уже не удастся в силу катастрофических последствий и техногенных разрушений. Здесь личность и скажет своё слово»⁵. И далее автор пишет о необходимости новой морали, суть которой в отказе от проектов, угрожающих природе и культуре, в предпочтении безопасного развития росту благосостояния.

Упование на личность менее древнее, чем на богов, но более древнее, чем на науку и технику. Это, собственно, и есть философское решение проблемы человека (*третий ответ*). Почему философское? Потому, что

³ Впрочем, как свидетельствует обыкновенный житейский опыт, в действительности люди ревниво относятся к своим умственным способностям. Давно замечено, что они могут жаловаться на неустроенную жизнь, на плохое здоровье, на слабую память, полагая, что не умаляют себя в глазах окружающих. Но они никогда не жалуются на слабоумие. Мало того, для них оскорбителен даже намёк на это со стороны окружающих. Даже и пробовать не стоит желать кому-то в день его рождения, к примеру, наряду с крепким здоровьем ещё и не менее крепкого ума.

⁴ Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // Собр. науч. тр.: В 4-х тт. М., 1967. Т. 4. С. 41.

⁵ Розин В.М. Техника и социальность // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 105.

философия когда-то родилась из осознания простой истины: человек сам себя должен делать человеком. И призвание его в том, чтобы сохранить себя в качестве человека, вопреки всем соблазнам культуры и цивилизации. А если он по каким-то причинам утрачивает себя, то искать его нужно только в самом себе. Опереться же ему в этом поиске опять-таки не на кого, кроме себя самого. Ведь сказано человеку: «Познай себя». И никто за него этого сделать не сможет. Примерами философского решения проблемы человека могут служить учения и жизнь Будды, Конфуция, Гераклита, Сократа, Эпикура, философов-стоиков, многих киников, Иисуса Христа, странствующих философов средневековой Европы, Руссо, Сковороды, Торо, Вл. Соловьёва, некоторых представителей экзистенциализма⁶.

В итоге необходимо отметить, что сравнивать друг с другом перечисленные ответы на вопрос о человеке можно по разным критериям. Один из них, может быть, наиболее предпочтителен и объективен: сохранение природы и человека. Ясно, что второй ответ, когда необходимым условием осуществления человека становится познание и преобразование окружающего мира, более всего проигрывает в этом отношении: негативные последствия научно-технического прогресса очевидны сегодня для всех. Первый ответ таит в себе меньшую опасность, но и он не так уж безобиден: лишений, страданий и смертей во имя Господне в истории религии было немало. Кажется, что наименее пагубен для человека третий путь — путь самопознания и самоосущест-

вления человека. Но это не так, поэтому лишь немногие его выбирают, неся по нему свой крест. Действительно: даже поверхностное знакомство с судьбами тех, кто шёл этим путем, свидетельствует о его трагичности.

Таким образом, драматичен путь человека к Богу, трагичен его путь к самому себе, но зато оба пути практически безвредны для природы. Они, несмотря на их тяжесть, ведут, пусть и не в равной степени, к преобразению человека. Здесь человек использует себя в качестве средства для обретения внутренней, духовной культуры.

Губителен для природы второй — цивилизованный — путь, где она используется человеком как средство построения культуры внешней, материальной. Этот путь и для человека небезопасен, и он знает об этом. Но на этом пути много соблазнов, удовольствий, неудовлетворённых желаний. Они заслоняют опасность, отодвигают её в неопределённое будущее. Человек многое делает в ущерб себе, своему здоровью. Но если он при этом получает удовольствие, то готов платить за него многим, порой даже жизнью. В массе своей человек — невольник цивилизации, поэтому ему бесполезно грозить её неминуемой гибелью. И всё же для каждого всегда остаётся возможность выбора своего пути. А если не выбирать, если совместить в себе все пути? Древние учения свидетельствуют, что такое совмещение допустимо, что это особый путь — путь меры. А мерой всего, как утверждал первый софист античности Протагор, является человек.

Список литературы:

1. Розин В.М. Техника и социальность // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 105.
2. Чаликова В.А. Дети, «примитивы» и культура участия // Социокультурные утопии XX в.: Реф. сб. / ИНИОН АН СССР. М., 1983. Вып. 2. С. 130-166.
3. Шелер М. Человек и история // Человек: образ и сущность. Перцепция страха. Ежегодник. М., 1991. С. 133-159.
4. Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // Собр. науч. тр.: В 4 т. М., 1967. Т. 4. С. 41.

References (transliteration):

1. Rozin V.M. Tekhnika i sotsial'nost' // Voprosy filosofii. 2005. № 5. S. 105.
2. Chalikova V.A. Deti, «primitivy» i kul'tura uchastiya // Sotsiokul'turnye utopii XX v.: Ref. sb. / INION AN SSSR. M., 1983. Vyp. 2. S. 130-166.
3. Sheler M. Chelovek i istoriya // Chelovek: obraz i sushchnost'. Pertseptsiya strakha. Ezhegodnik. M., 1991. S. 133-159.
4. Eynshteyn A. Motivyy nauchnogo issledovaniya // Sobr. nauch. tr.: V 4 t. M., 1967. T. 4. S. 41.

⁶ В этих примерах, кстати, выражен один из аспектов действительно позитивной роли техники в судьбе человека. Техника, в широком смысле слова, — это искусство в достижении поставленной цели. Используемые средства при этом особого значения не имеют. Если человек пользуется собой в качестве средства реализации своих замыслов, то он тоже — техника. Жизнь упомянутых мыслителей была способом и средством выражения их учений. И это, пожалуй, самое поучительное в них.